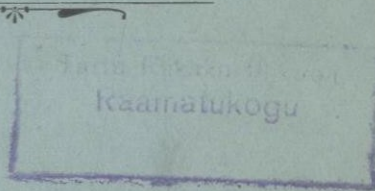

Е. В. Пѣтуховъ.

Лужицкіе сербы (Лужичане).

Изъ путевыхъ замѣтокъ лѣтомъ 1897 года.

Юрьевъ.

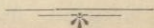
Типографія К. Маттисена.

1898.

Е. В. Пѣтуховъ.

Лужицкіе сербы

(Лужичане).

Изъ путевыхъ замѣтокъ лѣтомъ 1897 года.

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1898.

Дружніе сѣбѣ

(оньарнжүлү)

Оттискъ изъ „Сборника Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ“ выпускъ I.

Est-A

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

15 163

Лужицкіе Сербы или Лужичане представляютъ собою въ высшей степени интересный остатокъ нѣкогда болѣе многочисленнаго славянскаго народа съверо-западной вѣтви. Занимая въ старину обширныя земли между Салой, Чешскимъ лѣсомъ, Одеромъ и его притоками, Лужицкіе Сербы въ настоящее время живутъ лишь въ нѣкоторыхъ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ Бранденбургской и Силезской провинцій Пруссіи и въ Саксоніи. Соответственно теченію главныхъ германскихъ рѣкъ съ юга на сѣверъ, Лужичане (Lausitz) въ географическомъ отношеніи раздѣляются на двѣ части „нижнихъ“ (Niederlausitz) и „верхнихъ“ (Oberlausitz): первые — въ провинціи Бранденбургской, вторые въ провинціи Силезской и въ Саксоніи. Площадь, занимаемая Лужичанами, равняется въ общемъ 12,789 кв. кил., при чемъ на „нижнихъ“ Лужичанъ приходится 6840 кв. кил., а на „верхнихъ“ 5939 (въ Силезіи 3469 и въ Саксоніи 2470). Всего сербо-лужицкаго населенія считается ок. 170,000 чел., между которыми „нижнихъ“ Лужичанъ ок. 70,000, а „верхнихъ“ ок. 100,000 (въ Силезіи 38,000 и въ Саксоніи 60,000). „Верхніе“ Лужичане — протестанты, за исключеніемъ 10,000 католиковъ; „нижніе“ все протестанты безъ исключенія, если не принимать въ расчетъ единичныхъ случаевъ.

Наиболѣе значительные города и мѣстечки, въ которыхъ живутъ „нижніе“ Лужичане — Любневъ (Lübbenau), Хочебусъ

(Cottbus), Ветшовъ (Wetschau), Гродекъ (Spremberg); но тутъ они перемѣшаны съ нѣмецкимъ населеніемъ, да и сами уже настолько онѣмечились, что нѣмецкій языкъ слышится въ этихъ мѣстахъ чаще лужицко-сербскаго; болѣе чистое славянское населеніе въ деревняхъ Борковы (Burg), Липе (Leipe) и др.; изъ городовъ, лежащихъ въ области „верхнихъ“ Лужичанъ, нужно назвать все болѣе и болѣе становящійся нѣмецкимъ Сгорѣлецъ (Görlitz) и Будишинъ (Bautzen), центръ теперешней сербо-лужицкой интеллигентной, ученой и литературной жизни. Т. о., собственно народную жизнь, въ большей или меньшей ея неприкосновенности и чистотѣ (говоря, конечно, относительно), можно найти въ деревняхъ и селахъ Нижней Лужицы (въ провинціи Бранденбургской), а слѣды и результаты умственной жизни въ народномъ направленіи — въ Будишинѣ. На этихъ двухъ пунктахъ я и остановлюсь по преимуществу въ настоящемъ моемъ разсказѣ, предваривъ его нѣкоторыми необходимыми краткими историческими замѣчаніями.

Раздѣляясь на многочисленныя мелкія племена (Мильчане, Лужичане и др.), Лужицкіе Сербы, не имѣвшіе между собою крѣпкой политической организаціи, уже со временъ Карла Великаго, вмѣстѣ съ племенами нынѣ вымершаго Балтійскаго и Полабскаго славянства, стали подвергаться натиску нѣмцевъ, при чемъ постепенно, одно племя за другимъ, уступали болѣе сильному врагу и теряли свою племенную самостоятельность, такъ что къ XI-му вѣку уже не было ни одного изъ нихъ, не подчиненнаго нѣмецкому владычеству. При этихъ погромахъ власть надъ Лужицкими Сербами то доставалась разнымъ феодальнымъ владѣтелямъ (графамъ Мейссенскому и Бранденбургскому), то переходила въ руки поляковъ, чеховъ и саксонцевъ, пока наконецъ, послѣ Тридцатилѣтней войны, народность эта не была раздѣлена между Саксоніей и Пруссіей, въ каковомъ положеніи (но съ важнымъ измѣненіемъ, по рѣшенію Вѣнскаго конгресса 1815 года), она и находится въ настоящее время.

Весьма естественно, что раннее лишеніе политической свободы повлекло за собою и раннее ослабленіе народности,

выразившееся прежде и больше всего въ языкѣ. Получивши первоначальное христіанское ученіе едва ли не отъ самихъ славянскихъ первоучителей (по крайней мѣрѣ, есть преданіе, что св. Константинъ самъ приходилъ въ окрестности Стгорѣльца), черезъ Поляковъ и Чеховъ, и находясь въ IX столѣтіи въ связяхъ съ Велико-Моравскимъ княжествомъ, Лужицкіе Сербы еще въ XIII вѣкѣ сохраняли народный языкъ въ богослуженіи и въ судѣ; съ XIV же вѣка народный языкъ изгоняется изъ судовъ въ пользу нѣмецкаго, а изъ богослуженія — въ пользу латинскаго. Реформація въ XVI вѣкѣ, которой подверглись „верхніе“ Лужичане, уже не могла спасти, при сильномъ политическомъ и культурномъ вліяніи нѣмцевъ, серболужицкій языкъ и народность отъ дальнѣйшаго порабощенія и ослабленія, хотя нужно замѣтить, что именно къ этому времени относятся старѣйшіе сохранившіеся памятники серболужицкаго языка: рукописный Новый Завѣтъ 1548 года (въ Берлинской Королевской библіотекѣ) и небольшой канціональ съ молитвами и катехизисомъ Лютера, напечатанный евангелическимъ проповѣдникомъ Альбиномъ Моллеромъ въ 1574 г. Во второй половинѣ XVI-го и въ XVII вѣкѣ упадокъ серболужицкой народности продолжался, при чемъ бѣдствія Тридцатилѣтней войны чрезвычайно ослабили и матеріальное ея положеніе; изъ дѣятелей этого времени особенно выдаются проповѣдникъ Михаилъ Бранцель или Френцель (1628—1706) и его сынъ Авраамъ (1656—1740), переходящій уже второй половиной своей дѣятельности въ слѣдующее столѣтіе: отецъ перевелъ на серболужицкій языкъ Новый Завѣтъ, работалъ надъ установленіемъ народной орфографіи и издалъ для народа немало церковно-поучительныхъ книгъ, а сынъ съ особеннымъ увлеченіемъ занимался исторіей и языкомъ своего народа, при чемъ свои труды издавалъ главнымъ образомъ на латинскомъ языкѣ (*De originibus linguae Sorabicae libri IV, De diis Slavorum et Soraborum in specie* и др.). Первая половина XVIII вѣка ознаменована была для Лужичанъ изданіемъ (въ 1728 году) на верхне-лужицкомъ нарѣчій полнаго пере-

вода Библии; на ниже-лужицкомъ нарѣчїи подобный трудъ появился почти на цѣлое столѣтіе позднѣе (1824), хотя отдѣльными частями онъ былъ извѣстенъ и опубликованъ еще въ XVIII вѣкѣ (Новый Завѣтъ въ 1709-мъ, а Ветхій Завѣтъ въ 1797-мъ). Кромѣ того, въ XVIII вѣкѣ выходило немалое количество духовныхъ пѣсенъ и проповѣдей для обѣихъ частей Лужицкаго народа (труды Преторія, Аста, Вавера — для протестантовъ, Кириана, Ганчка, Вальда — для католиковъ), но Семилѣтняя война, павшая тяжелымъ бременемъ на сербо-лужицкую народность, много содѣйствовала, вмѣстѣ съ возрастающей германизацией, подавленію этой просвѣтительной и литературной дѣятельности, хотя опять-таки именно къ этому времени и относятся первые труды ученаго характера (д-ра Карла Готтлоба Антона, 1751—1818), въ которыхъ вопросъ о сохраненіи сербо-лужицкаго языка и объ изученіи сербо-лужицкаго народнаго творчества поставленъ на серьезную и сознательную почву: въ этомъ сказалось общее вліяніе пробудившагося во второй половинѣ XVIII в. теоретическаго интереса къ народности; труды самаго д-ра Антона писаны, впрочемъ, то по-нѣмецки, то по-латыни.

Въ XIX вѣкѣ этотъ интересъ къ сербо-лужицкой народности, какъ въ ней самой такъ и со стороны, возрастаетъ, хотя наполеоновскія войны, въ которыхъ Лужичане сражались за освобожденіе нѣмецкаго народа, принесли имъ немало новыхъ ранъ и огорченій. Появляются такіе общественные и литературные дѣятели, какъ пасторъ Андрей Любенскій (1790—1840), указывавшій на знаменательную принадлежность своей народности къ великому славянскому племени, и его другъ и товарищъ, адвокатъ Фр. Ад. Клинь (1792—1855), бывший политическимъ вождемъ Лужичанъ, отстоявшій въ 1833—34 годахъ на земскомъ сеймѣ употребленіе лужицкаго языка въ школахъ и явившійся однимъ изъ главныхъ основателей Сербской Матицы въ 1847 году; здѣсь же долженъ быть упомянутъ и Андрей Зейлеръ (1804—1872), обнаружившій широкую и разнообразную литературную дѣятельность,

и даже до настоящаго времени его сочиненія, въ стихахъ и въ прозѣ, пользуются наибольшей популярностью среди сербо-лужицкой публики. Но самыми замѣчательными представителями новѣйшаго сербо-лужицкаго возрожденія должно признать Яна-Эрнеста Смолера (1817—1884) и Михаила Горника (1833—1894): оба они съ необыкновенной энергіей въ продолженіе всей своей жизни работали надъ собираніемъ и изданіемъ памятниковъ народной сербо-лужицкой поэзіи и быта, ревностно изучали исторію и современное положеніе своего народа, основывали и руководили литературными обществами въ народномъ духѣ, написали много научныхъ и популярныхъ книгъ и принимали дѣятельнѣйшее участіе въ сербо-лужицкой журналистикѣ. Они окружены были цѣлымъ рядомъ помощниковъ, изъ которыхъ особенно слѣдуетъ назвать А. Мосакъ-Класопольскаго, Л. Гаупта, Я. Йордана, Я. Пеха, К. Фидлера. Въ широкихъ общеславянскихъ идеяхъ сербо-лужицкіе патріоты находили себѣ сочувствіе и дѣятельную поддержку и въ представителяхъ другихъ славянскихъ народностей, посѣщавшихъ сербо-лужицкія земли — Палацкомъ, Мацѣвскомъ, Штурѣ, Милутиновичѣ, Срезневскомъ, Бодянскомъ, Гильфердингѣ. Нѣкоторые изъ русскихъ принимали непосредственно участіе въ учено-литературныхъ трудахъ на пользу сербо-лужицкаго народа (напр., Срезневскій дѣятельно помогаль Смолеру въ изданіи верхне- и ниже-лужицкихъ народныхъ пѣсенъ), и лучшіе труды по исторіи этой вѣтви славянскаго племени, помимо самихъ сербо-лужичанъ, безспорно принадлежатъ русскимъ (Гильфердингъ, Первольфъ, Лебедевъ, Срезневскій, Новиковъ и др.)¹⁾.

Должно сказать, впрочемъ, что въ этомъ процессѣ новѣйшаго возрожденія далеко не одинаковое участіе приняли обѣ части сербо-лужицкаго народа. Въ несравненно-выгоднѣйшихъ

1) А. Пыпинъ и В. Спасовичъ, Исторія славянскихъ литературъ. Изд. 2. II, стр. 1068—1090. А. Гильфердингъ, Народное возрожденіе Сербовъ-Лужичанъ въ Саксоніи. Собр. соч., т. II (Спб. 1868), стр. 19—49. Т. Флоринскій, Лекціи по славянскому языкознанію. Ч. II. Кіевъ 1897, стр. 583—591.

вода Библии; на ниже-лужицкомъ нарѣчїи подобный трудъ появился почти на цѣлое столѣтіе позднѣе (1824), хотя отдѣльными частями онъ былъ извѣстенъ и опубликованъ еще въ XVIII вѣкѣ (Новый Завѣтъ въ 1709-мъ, а Ветхій Завѣтъ въ 1797-мъ). Кромѣ того, въ XVIII вѣкѣ выходило немалое количество духовныхъ пѣсенъ и проповѣдей для обѣихъ частей Лужицкаго народа (труды Преторія, Аста, Вавера — для протестантовъ, Кириана, Ганчка, Вальда — для католиковъ), но Семилѣтняя война, павшая тяжелымъ бременемъ на сербо-лужицкую народность, много содѣйствовала, вмѣстѣ съ возрастающей германизацией, подавленію этой просвѣтительной и литературной дѣятельности, хотя опять-таки именно къ этому времени и относятся первые труды ученаго характера (д-ра Карла Готтлоба Антона, 1751—1818), въ которыхъ вопросъ о сохраненіи сербо-лужицкаго языка и объ изученіи сербо-лужицкаго народнаго творчества поставленъ на серьезную и сознательную почву: въ этомъ сказалось общее вліяніе пробудившагося во второй половинѣ XVIII в. теоретическаго интереса къ народности; труды самаго д-ра Антона писаны, впрочемъ, то по-нѣмецки, то по-латыни.

Въ XIX вѣкѣ этотъ интересъ къ сербо-лужицкой народности, какъ въ ней самой такъ и со стороны, возрастаетъ, хотя наполеоновскія войны, въ которыхъ Лужичане сражались за освобожденіе нѣмецкаго народа, принесли имъ немало новыхъ ранъ и огорченій. Появляются такіе общественные и литературные дѣятели, какъ пасторъ Андрей Любенскій (1790—1840), указывавшій на знаменательную принадлежность своей народности къ великому славянскому племени, и его другъ и товарищъ, адвокатъ Фр. Ад. Клинь (1792—1855), бывший политическимъ вождемъ Лужичанъ, отстаивавшій въ 1833—34 годахъ на земскомъ сеймѣ употребленіе лужицкаго языка въ школахъ и явившійся однимъ изъ главныхъ основателей Сербской Матицы въ 1847 году; здѣсь же долженъ быть упомянутъ и Андрей Зейлеръ (1804—1872), обнаружившій широкую и разнообразную литературную дѣятельность,

и даже до настоящаго времени его сочиненія, въ стихахъ и въ прозѣ, пользуются наибольшей популярностью среди сербо-лужицкой публики. Но самыми замѣчательными представителями новѣйшаго сербо-лужицкаго возрожденія должно признать Яна-Эрнеста Смолера (1817—1884) и Михаила Горника (1833—1894): оба они съ необыкновенной энергіей въ продолженіе всей своей жизни работали надъ собираніемъ и изданіемъ памятниковъ народной сербо-лужицкой поэзіи и быта, ревностно изучали исторію и современное положеніе своего народа, основывали и руководили литературными обществами въ народномъ духѣ, написали много научныхъ и популярныхъ книгъ и принимали дѣятельнѣйшее участіе въ сербо-лужицкой журналистикѣ. Они окружены были цѣлымъ рядомъ помощниковъ, изъ которыхъ особенно слѣдуетъ назвать А. Мосакъ-Класопольскаго, Л. Гаупта, Я. Йордана, Я. Пеха, К. Фидлера. Въ широкихъ обще-славянскихъ идеяхъ сербо-лужицкіе патріоты находили себѣ сочувствіе и дѣятельную поддержку и въ представителяхъ другихъ славянскихъ народностей, посѣщавшихъ сербо-лужицкія земли — Палацкомъ, Мацѣвскомъ, Штурѣ, Милутиновичѣ, Срезневскомъ, Бодянскомъ, Гильфердингѣ. Нѣкоторые изъ русскихъ принимали непосредственно участіе въ учено-литературныхъ трудахъ на пользу сербо-лужицкаго народа (напр., Срезневскій дѣятельно помогалъ Смолеру въ изданіи верхне- и ниже-лужицкихъ народныхъ пѣсенъ), и лучшіе труды по исторіи этой вѣтви славянскаго племени, помимо самихъ сербо-лужичанъ, безспорно принадлежатъ русскимъ (Гильфердингъ, Первольфъ, Лебедевъ, Срезневскій, Новиковъ и др.)¹⁾.

Должно сказать, впрочемъ, что въ этомъ процессѣ новѣйшаго возрожденія далеко не одинаковое участіе приняли обѣ части сербо-лужицкаго народа. Въ несравненно-выгоднѣйшихъ

1) А. Пыпинъ и В. Спасовичъ, Исторія славянскихъ литературъ. Изд. 2. II, стр. 1068—1090. А. Гильфердингъ, Народное возрожденіе Сербовъ-Лужичанъ въ Саксоніи. Собр. соч., т. II (Спб. 1868), стр. 19—49. Т. Флоринскій, Лекціи по славянскому языковзванію. Ч. II. Кіевъ 1897, стр. 583—591.

условіяхъ находились и находятся Верхніе Лужичане, входящіе политически въ составъ Саксонскаго королевства; въ этомъ отношеніи много помогли имъ смутныя событія 1848 года, во время которыхъ политическіе вожди сербо-лужицкаго народа прекрасно поняли свою роль въ смыслѣ народной пользы и поставили свой народъ въ сторонѣ отъ смутъ и волненій; въ дрезденскихъ событіяхъ только сербскій полкъ остался вѣренъ королю, и въ награду за это Сербы получили вскорѣ право народнаго языка въ церкви, судѣ и школѣ. Расположеніе саксонскаго королевскаго дома къ сербо-лужичанамъ сдѣлалось уже какъ бы традиціоннымъ и получило еще недавно особое выраженіе во время этнографической выставки въ Дрезденѣ лѣтомъ 1896 года: „вотъ, ѣдутъ мои вѣрные Сербы!“ сказалъ король при представленіи на выставкѣ разныхъ народныхъ группъ, въ національныхъ костюмахъ, когда приблизились Сербы; это было услышано, передано и рассказывается теперь среди народа и интеллигенціи съ восторгомъ. Далеко не въ такихъ, сравнительно счастливыхъ, условіяхъ находятся Нижніе Лужичане, принадлежащіе къ Прусскому королевству: тамъ идетъ энергическій процессъ германизации, стирающій народныя особенности въ бытѣ и ограничивающій область распространенія сербо-лужицкаго языка, который не имѣетъ почти и тѣни тѣхъ официальныхъ правъ, какія предоставлены этому же языку въ Саксоніи. Тѣмъ большаго интереса и вниманія заслуживаетъ этотъ тающій среди нѣмецкаго моря остатокъ славянства. Къ нему мы и обратимся.

Область Нижнихъ Лужичанъ въ Германіи и среди туристовъ всѣхъ странъ, усердно посѣщающихъ эти мѣста, известна всего болѣе подъ именемъ Spreewald'a: она лежитъ въ бассейнѣ рѣки Шпрее, развѣтвляющейся на множество ручьевъ, рѣчекъ и каналовъ (до 300), и покрыта обильной древесной, кустарниковой и травяной растительностью. Сообразно своему положенію въ бассейнѣ названной рѣки, Spreewald, въ свою очередь, дѣлится на Oberspreewald (въ верхнемъ теченіи рѣки Шпрее) и Unterspreewald (въ нижнемъ ея теченіи).

Одинаково обильныя водой во все время года, по своему низкому положенію и природному характеру почвы, обѣ эти части различаются по своей растительности; обладая меньшей площадью лѣсного пространства (7400 гектаровъ), Unterspree-wald представляет болѣе разнообразія и величественности, болѣе интересенъ для натуралиста и исключительнаго любителя природы, нежели Oberspreewald, который, при большемъ пространствѣ своемъ (20,700 гектаровъ), обладая въ меньшей степени нетронутыми красотами природы, представляет несравненно болѣе интересъ для этнографа и обыкновеннаго туриста, такъ какъ на его обширномъ пространствѣ разбѣяно немало мѣстъ, удержавшихъ еще, благодаря сравнительной отдаленности отъ большихъ городскихъ центровъ и отсутствію желѣзнодорожныхъ сообщеній, много исконно-народнаго, славянскаго въ смыслѣ языка, возрѣній, быта и вообще цѣлаго склада матеріальной и духовной жизни населенія.

Посѣтивъ Unterspreewald, т. ск., мимоходомъ, я имѣлъ возможность ближе ознакомиться съ Oberspreewald'омъ.

Лучшимъ мѣстомъ для начала путешествія по Oberspreewald'у, безспорно, служить небольшой городокъ Любневъ (Lübbenau) съ 3800 жителей, занимающихся гл. обр. огородничествомъ, вслѣдствіе удобной для того, влажной почвы. Любневъ ведетъ свое происхожденіе съ 1179 года и, какъ почти всѣ города Германіи, связанъ съ именами нѣкоторыхъ изъ своихъ прежнихъ владѣльцевъ — Иленборговъ, Шуленбурговъ, графовъ Линаръ; замокъ послѣднихъ, окруженный прекраснымъ паркомъ, еще и теперь служитъ жилищемъ членовъ этой фамиліи и привлекаетъ вниманіе туристовъ. Обиліе путешественниковъ по Spreewald'у вызвало основаніе въ 1887 году въ Любневѣ особаго Общества (Spreewaldverein), поставившаго себѣ главной задачей распространять свѣдѣнія о Spreewald'ѣ и предоставлять обращающимся туда иностранцамъ разныя практическія удобства, давать указанія и совѣты относительно путешествія.

Отъ Берлина по желѣзной дорогѣ до Любнева около

2½ часовъ, но отъ Любнева, сообразно особенностямъ страны, путешествіе принимаетъ уже совсѣмъ другой характеръ.

Въ Spreewald'ѣ, по обилію воды, самыми естественными и наиболѣе употребительными путями сообщенія являются тѣ безчисленныя рѣчки, каналы и протоки, которые пересѣкаютъ и переплетаютъ всю эту низменность въ различныхъ направленіяхъ. Средствомъ для передвиженія лѣтомъ служить продолговатая плоскодонная лодка, приводимая въ движеніе особымъ багромъ, имѣющимъ на опущенномъ въ воду концѣ форму весла; ѣдущій не гребетъ, а опирается въ дно столько же по мелкости водяного пути, сколько и по его иногда чрезвычайной узости. Для сѣдока устанавливается обыкновенно посрединѣ лодки удобное деревянное или плетеное кресло, а везущій становится сзади — способъ, совершенно тождественный съ венеціанскими гондольерами. Такая лодка (стоимостію отъ 20 до 100 марокъ) имѣется у каждаго, даже самаго бѣднаго хозяина, а у большинства ихъ по нѣскольку. Ѣзда на лодкѣ сопровождаетъ всѣ моменты жизни лужичанина: его везутъ на ней младенцемъ крестить въ церковь, на ней онъ ѣдетъ въ торжественномъ поѣздѣ къ вѣнцу, на ней же отвозятъ и его гробъ до могилы. Въ хозяйствѣ лодка служитъ обычнымъ средствомъ для перевозки разныхъ предметовъ и тяжестей, подобно тому, какъ нашему крестьянину служатъ лошадь и телѣга. Хотя въ Spreewald'ѣ есть и сухопутныя дороги (скорѣе — тропинки), но онѣ имѣютъ лишь самое узкое назначеніе въ предѣлахъ сравнительно небольшого пространства и дополняются, соединяясь одна съ другой, узкими мостиками черезъ воду, очень высоко поднятыми — чтобъ не мѣшать проходу обильно нагруженныхъ лодокъ; поэтому, пѣшкомъ по Spreewald'у (объ экипажѣ и говорить нечего) далеко уйти нельзя. Имѣя дѣло съ лодкою цѣлую жизнь, лужичанинъ, конечно, научился владѣть ею въ совершенствѣ, при чемъ въ этомъ искусствѣ мужчинамъ очень мало уступаютъ женщины и дѣвушки. Для туриста же этотъ способъ путешествія представляетъ необычайную и совершенно своеобразную

прелестъ: приводимая въ движеніе почти незамѣтными толчками сзади, лодка плавно скользитъ по поверхности этихъ узкихъ протоковъ, всего больше похожихъ на аллеи обширнаго парка во время наводненія. Въ настоящемъ смыслѣ наводненіе бываетъ въ Spreewald'ѣ зимою, когда вода поднимается значительно выше своего лѣтняго уровня и затопляетъ огромныя пространства земли. Покрываясь на два-три мѣсяца льдомъ, это обширное водное пространство зимой совершенно мѣняетъ фізіономію мѣстности и обращаетъ ее, т. ск., въ колоссальный катокъ: лодки замѣняются особыми стульями и санями на полозьяхъ, а вмѣсто багра ѣдущій или везущій вооружается коньками и длинной палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ; владѣть коньками тутъ каждый въ извѣстномъ возрастѣ, безъ различія пола, умѣетъ такъ же хорошо, какъ и багромъ, и всему тому, чему весной и лѣтомъ служила лодка, зимой, во время льда, служатъ сани.

Селенія въ Spreewald'ѣ представляютъ собою чрезвычайно оригинальный видъ. Улицей, по которой происходитъ постоянное движеніе на саняхъ, конькахъ или лодкахъ, служитъ вода; къ ней обращены дома своей передней частью; при домахъ, владѣющихъ нѣсколькими лодками, сдѣланы особыя искусственныя заводы, гдѣ эти лодки стоятъ; за домомъ и отчасти по бокамъ его расположены сады и огороды, а также хозяйственныя постройки, гдѣ помѣщается скотъ и домашняя птица, всякаго рода хозяйственные предметы и плоды сбора съ огородовъ и луговъ. Есть каменные дома, но большая часть ихъ — деревянные, на сваяхъ, тщательно и весьма искусно укрѣпляемыхъ. Крыши — то черепичныя, то изъ мелкихъ кусковъ дерева, то изъ соломы. Дверь въ домъ находится поединѣ стѣны, составляющей передній фасадъ дома. Въ домѣ обыкновенно три комнаты: одна — для спанья, и значительную часть ея занимаетъ огромная постель съ разноцвѣтнымъ или вышитымъ пологомъ надъ нею; другая — для обычнаго пребыванія въ ней днемъ, и третья — кухня. Между жилой комнатой и кухней стоитъ кафельная печь, согрѣвающая

зимой обѣ комнаты одновременно; надъ печью сдѣланы особыя деревянныя приспособленія, на которыхъ развѣшиваются для просушки бѣлье, неводà и проч., а вокругъ идетъ скамья, на которой усаживаются въ зимніе вечера дѣвушки, собирающіяся на посидѣлки и проводящія на нихъ время въ пряжѣ льна, пѣвннн пѣсенъ, сказываннн сказокъ и обыденныхъ разговорахъ. По стѣнамъ комнатъ на палкахъ разставляется наиболѣе изящная и рѣдкая посуда и другіе цѣнные предметы, составляющіе собственность семьи и переходящіе отъ одного поколѣнн къ другому.

Главная статья хозяйства лужицкаго крестьянина въ Spreewald'ѣ — огородъ; тутъ онъ садитъ и сѣетъ всевозможныя овощи: лукъ, бобы, капусту, морковь, салатъ; сады, вслѣдствіе излишней влажности почвы, встрѣчаются рѣдко, и еще рѣже, по той же причинѣ, сѣется хлѣбъ; овощи выгодно сбываются въ близъ лежащіе города и даже доходятъ до Берлина. Другой важной статьёй хозяйства являются луга, съ которыхъ обильно собирается сѣно, идущее какъ для прокормленн домашняго скота, такъ и на продажу. Немаловажную роль между домашнимъ скотомъ играютъ овцы, которыя своей шерстью, вмѣстѣ съ собираемымъ льномъ, доставляютъ экономной и запасливой семьѣ, неохотно покупающей что-нибудь со стороны, матеріаль для приготавлиаемаго дома бѣлья и одежды. Важнымъ предметомъ питанн служитъ, конечно, также рыба, изъ разныхъ сортовъ которой приготавлиются весьма вкусныя блюда подъ особымъ соусомъ мѣстнаго изобрѣтенн, имѣющимъ славу между туристами; рыбы этой въ водахъ Spreewald'a еще довольно много, но вотъ уже лѣтъ 15, какъ нѣтъ раковъ, истребленыхъ какой-то эпидемической болѣзнью не только здѣсь, но и дальше — въ Одерѣ и даже въ Эльбѣ.

Своеобразныя природныя условія, въ которыя поставленъ житель Spreewald'a, не могутъ быть названы вполне благоприятными; съ природой онъ долженъ постоянно вести борьбу, чтобы обезпечить свое существованн, и это выработало въ немъ, вмѣстѣ съ отдаленностью отъ большихъ центровъ жизни,

многія симпатичныя стороны характера: трудолюбіе, настойчивость, бережливость, крѣпкую семейственность, поэтичность воззрѣній на окружающую природу и на связь между природой и своей собственной личностью. Это послѣднее особенно сказывается въ цѣломъ рядѣ представленій, сопровождающихъ всѣ выдающіеся моменты личной жизни серболужичанина. Рожденіе ребенка и въ особенности его крещеніе, происходящее въ церкви, торжественно празднуется въ семьѣ въ продолженіе цѣлыхъ шести недѣль. Дитя затѣмъ бережно охраняется матерью отъ вліянія нечистой силы, которая, напр., можетъ подмѣнить одного ребенка другимъ въ случаѣ, если неосторожная мать выйдетъ въ полночь изъ дому; кромѣ того, оно не должно до одного года смотрѣть въ зеркало, иначе его будутъ пугать видѣнія и пр. Еще съ большимъ торжествомъ празднуется свадьба, въ которой принимаютъ участіе многіе приглашенные родственники и знакомые; весь обрядъ этотъ, ровно какъ и предшествующее ему сватовство, носятъ на себѣ многія черты отдаленной старины, общей и другимъ славянскимъ народамъ, въ родѣ, напр., „выкупа“ невѣсты женихомъ, обряда одѣванія невѣсты къ вѣнцу и т. д. Когда кто-нибудь умеръ, то пока покойника не вынесли изъ дому, тамъ все время долженъ горѣть огонь, иначе мыши выѣдятъ покойнику глаза; солома, на который кто-нибудь умеръ, должна быть закопана въ землю въ отдаленномъ мѣстѣ, куда никто не ходитъ, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отдана на кормъ скотинѣ. Душа умершаго чловѣка имѣетъ видъ бѣлаго голубя, и если кто-либо умираетъ, то нужно отворить окно въ домѣ, чтобы ее выпустить. Если дитя умираетъ некрещеннымъ, то послѣ смерти душа его блуждаетъ вокругъ своего дома.

Немало разнаго рода суевѣрныхъ и фантастическихъ представленій соединяется у серболужичанина съ важнѣйшими годовыми праздниками. При возвращеніи съ рождественской службы изъ церкви слѣдуетъ трясти плодовые деревья, при

чемъ кто-нибудь ложится на землю къ стволу дерева и слушаетъ, что тамъ происходитъ: если слышна музыка, то въ предстоящій годъ будетъ въ семьѣ свадьба; если — пѣніе, то кто-нибудь умретъ; чтобы дерево принесло въ слѣдующемъ году плоды, нужно прикрыть его стволъ соломой какъ разъ въ 12 часовъ въ рождественную ночь. Когда въ церкви уже начали звонить къ рождественской службѣ, то надо прикрыть голову бѣлымъ платкомъ, девять разъ обойти вокругъ дома и потомъ, обернувшись, посмотрѣть черезъ плечо въ домъ: тамъ можно увидѣть, что должно произойти въ предстоящемъ году. Существуетъ множество способовъ гаданія дѣвушекъ о женихахъ въ рождественскую ночь. То же самое, съ различными видоизмѣненіями, имѣетъ мѣсто и вечеромъ наканунѣ Новаго года; въ самый Новый годъ слѣдуетъ остерегаться всякой неловкости и неудачи, такъ какъ въ такомъ случаѣ онѣ будутъ повторяться весь послѣдующій годъ. Время масляницы есть время безграничнаго веселья; особенно рекомендуется молодымъ людямъ побольше танцевать, такъ какъ отъ этого зависитъ качество льна въ данномъ году, и кто выше будетъ прыгать, у того и ленъ будетъ выше. Въ пасхальную ночь дѣвушки имѣютъ обычай ходить къ перекрестной водѣ (образуемой двумя или нѣсколькими ручьями) и умываться ею, чтобы пріобрѣсти красоту; это совершается въ глубокомъ молчаніи, нарушаемомъ однако же нерѣдко деревенскими молодыми людьми, пользующимися случаемъ напугать дѣвушекъ и потомъ завязать съ ними какой-нибудь веселый разговоръ; въ эту же ночь слѣдуетъ остерегаться прихода вѣдьмъ, что относится также и къ ночи на 1-го мая (Вальпургіева ночь), ради чего дѣлаютъ на входныхъ дверяхъ мѣломъ или краской кресты. Въ Троицу украшаютъ дома березовыми вѣтками. Подъ Ивановъ день, когда уже весенняя природа является обыкновенно во всей своей красотѣ, совершаются въ деревнѣ шумныя и веселыя празднества; при этомъ, разумѣется, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ тутъ „Иванова трава“, которую нужно сжечь

найти и распознать; къ этому дню изъ разныхъ цвѣтовъ и травъ (рекомендуютъ также цвѣты съ кладбища) готовится множество вѣнковъ, которые и развѣшиваются по стѣнамъ дома; листьями отъ этихъ вѣнковъ обкуриваются помѣщенія для скота, чтобы предохранить его отъ разныхъ болѣзней.

Видную роль въ жизни лужицкаго крестьянина играетъ пѣніе и музыка. Преобладающее мѣсто между народными пѣснями принадлежитъ пѣснямъ лирическимъ, отличающимся нѣжностью тона, мелодической красотой и вмѣстѣ съ тѣмъ значительнымъ реализмомъ содержанія, касающагося какъ повседневныхъ, такъ и выдающихся сторонъ народной жизни. Музыкальная сторона этихъ пѣсенъ отличается той своеобразной особенностью, что нельзя замѣтить и предугадать, когда пѣсня окончится; конецъ ея наступаетъ для слуха какъ бы совершенно неожиданно, и тѣмъ самымъ имѣетъ какой-то меланхолическій оттѣнокъ. Довольно много имѣется плясовыхъ сербо-лужицкихъ пѣсенъ, т. е. пѣсенъ, сопровождающихъ народные танцы, между которыми одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ т. наз. „сербской реѣ“; музыкальный аккомпанементъ этой пѣсни отличается оригинальными подробностями, составляющими существенную прибавку къ тексту. Есть также у Лужичанъ немало пѣсенъ, отъ которыхъ сохранилась лишь ихъ музыкальная сторона, безъ текста: онѣ составляютъ теперь лишь достояніе ихъ народной музыки. Что же касается музыкальныхъ народныхъ инструментовъ, то они имѣютъ три главныхъ типа: 1) флейта („*taḡakawa*“), теперь уже сравнительно рѣдко употребляемая; 2) скрипка („*husle*“), двухъ размѣровъ — большая и малая; играя, приставляютъ ее не къ подбородку, а къ груди; 3) дуда („*dudy*“), въ родѣ малор. „*kozy*“, издающая рѣдкіе, пискливые звуки наполняющимъ ее воздухомъ. Надобно, къ сожалѣнію, замѣтить, что въ настоящее время чисто-народныя пѣсни и танцы исчезаютъ въ народѣ, замѣняясь современными нѣмецкими, какъ продуктомъ чужого вліянія со стороны.

Еще до настоящаго времени сохранилось много славянскаго въ типѣ Лужичанъ; это сразу бросается въ глаза всякому, прѣзжающему сюда изъ какого-нибудь нѣмецкаго города; въ особенности удержали славянскій типъ женскія лица, между которыми встрѣчаются истинно-изящныя, чрезвычайно правильныя и оживленныя часто голубыми глазами, съ нѣскольکو наивнымъ выраженіемъ. Мущины большею частію не носятъ ни борды, ни усовъ. Не менѣ замѣчательны и серболужицкіе костюмы. Даже обыденный костюмъ женщины весьма живописенъ: онъ состоитъ изъ чернаго плисоваго короткаго лифа, покрывающаго корсетъ, изъ подъ котораго выходятъ на плечи короткіе, слегка накрахмаленные рукава рубашки; шею и грудь покрываетъ пестрый (часто черный, съ яркими цвѣтами) платокъ, концы котораго уходятъ подъ передникъ, подъ которымъ надѣта виднѣющаяся снизу и сзади пестрая довольно короткая юбка; голову покрываетъ пестрый платокъ, завязываемый высокимъ, расходящимся въ стороны бантомъ; этотъ довольно тяжелый головной уборъ надѣвается, впрочемъ, не всегда, особенно лѣтомъ, когда дѣвушки большею частію ходятъ безъ головного покрова, а женщины дѣлаютъ его легче и проще; чулки (обыкновенно бѣлые) лѣтомъ женщины надѣваютъ лишь въ болѣе торжественныхъ случаяхъ; башмаки носятъ низкіе. Въ праздничные дни и при торжествахъ костюмъ этотъ видоизмѣняется еще тѣмъ, что на голову, обыкновенно гладко причесанную, надѣвается женщинами нѣчто въ родѣ тюлеваго бѣлаго чепца, съ большимъ бантомъ сзади и съ тщательно разглаженнымъ, широкимъ въ расходящихся складкахъ воротникомъ вокругъ шеи; спереди прикалывается высоко на груди пестрый шелковый бантъ. При отправленіи въ церковь надѣвается на голову бѣлый платокъ, привязываемый подъ подбородкомъ и прикрывающій отчасти плечи. Мущины носятъ въ обыкновенное время короткую льняную куртку бѣлаго или синяго цвѣта, короткіе панталоны, чулки и башмаки; на головѣ невысокая шляпа, но въ болѣе торжественныхъ случаяхъ надѣвается черный или сѣрый длинный

кафтанъ, цвѣтная жилетка и высокіе сапоги; надѣвается и нѣсколько другой формы шляпа¹⁾.

Я уже выше имѣлъ случай упоминать о нѣкоторыхъ суевѣріяхъ, создаваемыхъ и питаемыхъ народной фантазіей у Лужичанъ. Въ дополненіе къ этимъ даннымъ о духовной жизни сербо-лужицкаго деревенскаго люда, населяющаго Spreewald, я приведу здѣсь для образца нѣсколько легендъ и разсказовъ, созданныхъ той же народной фантазіей, вовсе не касаясь вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ этотъ эпическій матеріалъ самостоятеленъ по своему происхожденію или нѣтъ²⁾.

1. Недалеко отъ дер. Липе (Leipe) была прежде мельница, о которой разсказывается слѣдующее. Лѣтъ 50—60 тому назадъ была эта мельница сборищемъ злыхъ духовъ.

1) Для изученія народныхъ костюмовъ въ Spreewald'ѣ, кромѣ общедоступныхъ и вездѣ продаваемыхъ альбомовъ и отдѣльныхъ фотографій (довольно значительное собраніе ихъ имѣется въ книжной торговлѣ E. Bruchmann'a въ Любневѣ), я могъ бы указать на два новѣйшихъ изданія: одно „Sächsische Volkstrachten und Bauernhäuser. Dresden 1897“, изданное по случаю Дрезденской этнографической выставки лѣтомъ 1896 года и превосходно исполненное въ фототипіяхъ на листахъ большого формата, образующихъ собою роскошный альбомъ; другое изданіе „Bilder aus dem Spreewald. Facsimiledruck. Originalzeichnungen von Villy Werner. Berlin 1897“. Я имѣлъ случай также видѣть въ Märkisches Provinzial-Museum въ Берлинѣ оригинальные исполненные карандашомъ, еще неизданные рисунки проф. Адольфа Бургера, представляющіе сцены и типы изъ жизни Spreewald'a; тамъ же есть листы съ раскрашенными фотографіями женщинъ изъ Spreewald'a въ костюмахъ, исполненные въ Хоттебусѣ (Cottbus).

2) Матеріалъ этотъ выбранъ мною изъ „Originalmärchen der Wenden“ Александра Рабенау (A. Rabenau), приложенныхъ къ книгѣ: „Der Spreewald und seine Bewohner. Von Engelhardt Kühn. Cottbus, 1889“. Содержаніемъ этой интересной книги пользовался я отчасти и для предшествующаго своего изложенія; книга снабжена интересными рисунками изъ природы Spreewald'a и жизни Лужичанъ. Собраніе приложенныхъ при книгѣ лужицкихъ сказокъ заслуживаетъ полнаго довѣрія по имени собирателя, владѣльца имѣнія и старожила г. Ветшова (Vetschau), знатока мѣстной этнографіи и старины. Для ближайшаго ознакомленія съ лужицкими народными сказками, суевѣрными обычаями и проч. можно обратиться къ сборникамъ Векенштедта (Wendische Sagen, Märchen und abergläubische Gebräuche. Gesammelt und nacherzählt von Edm. Veckenstedt. Graz, 1880) и Шуленбурга (Wendische Volkssagen und Gebräuche aus dem Spreewald. Von Wilibald von Schulenburg. Leipzig 1880).

Каждую полночь поднимался тамъ обыкновенно страшный шумъ, среди котораго громко слышались кошачьи крики. Жившіе при мельницѣ люди употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы устранить это, но все было напрасно, и люди принуждены были покинуть мельницу. Вотъ однажды приходитъ въ деревню палачъ; ему рассказываютъ объ ужасахъ, происходящихъ на мельницѣ, и онъ обѣщаетъ этому быстро помочь. Когда наступила ночь, онъ отправился на мельницу, велѣлъ въ одной изъ комнатъ поставить столъ, на столъ поставилъ два подсвѣчника съ зажженными свѣчами, очертилъ на столѣ большой кругъ и самъ подѣлъ къ срединѣ этого круга на стулъ. Положивши на столъ ножъ, онъ началъ свои заклинанія. Лишь только пробило 12 часовъ, какъ послышался страшнѣйшій шумъ и кошачій крикъ. Затѣмъ множество кошекъ вошло черезъ дверь въ комнату, но онѣ подходили только къ чертѣ круга и тутъ поднимали ужаснѣйшій крикъ. Тогда послышался громкій голосъ: „иди же дальше!“, но кошки не осмѣливались переступить круга; наконецъ одна толстая кошка своей лапой потянулась къ срединѣ круга: тутъ палачъ ножомъ ударилъ по лапѣ и разсѣкъ ее до крови. Затѣмъ, всѣ кошки съ большимъ шумомъ удалились. На другой день всѣ узнали, что жена одного извѣстнаго чловѣка имѣла раненую руку; всякій понялъ, въ чемъ дѣло: она была вѣдьма и посѣщала мельницу въ образѣ кошки. Съ тѣхъ поръ на мельницѣ стало все спокойно (стр. 111—112).

2. Недалеко отъ Шлоссберга въ Бургѣ стоялъ нѣкогда старый высокій дубъ, мѣстность вокругъ котораго носила названіе Малкова выгона. Долгое время на этомъ выгонѣ каждый годъ, ночью 18 или 19 марта, происходило сборище змѣй, на которое являлось огромное ихъ множество со всѣхъ окрестностей, такъ что вся дорога отъ мельницы къ Шлоссбергу бывала усыяна змѣями. Собранія эти происходили ночью. Что все это было такъ, объ этомъ хорошо зналъ старый Малкъ, жившій вблизи Шлоссберга. Однажды въ такую ночь от-

правился онъ на мельницу, чтобы отдать тамъ кое-что перемолоть. Вдругъ онъ увидѣлъ передъ собой на дорогѣ огромное множество змѣй, посрединѣ которыхъ виднѣлась змѣиная королева съ золотой короной на головѣ; корона была усыянна блестящими драгоценными камнями. Малкъ хотѣлъ продолжать путь, но дважды былъ укушенъ змѣями и повернулъ домой. Только болѣе далекимъ обходомъ удалось ему въ эту ночь достигнуть мельницы (стр. 118).

3. У стараго Петрика въ Лобендорфѣ была волшебная книга. Посредствомъ этой книги онъ сзывалъ со всего поля зайцевъ, такъ что это было похоже на то, какъ если бы на выгонъ пришло пастись цѣлое стадо овецъ (стр. 125).

4. На мельницѣ у Ветешова жила нѣкогда водяная нимфа. Каждый годъ, въ Михайловъ день, требовала она себѣ какой-нибудь жертвы. За нѣсколько дней до Михайлова дня мельничное колесо пѣло страшную пѣсню, и если мельникъ не бросалъ туда чего-нибудь живого, кошку или собаку, то утопалъ кто-нибудь изъ людей. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока мельница не сгорѣла (стр. 126).

5. Въ одной деревнѣ недалеко отъ Любнева одна женщина ночью, за день до Рождества, услышала звонъ церковнаго колокола. Она вскочила со своей постели, одѣлась и, думая, что это рожденственская ночь, отправилась въ церковь. Какъ только она вышла на улицу, то ее удивило, что въ деревнѣ все спитъ. „Ничего, сегодня я первая“ сказала она себѣ и вошла въ церковь. Церковь была ярко освѣщена, но свѣтъ не было видно; на скамьяхъ сидѣло много народа, и между прочими недавно умершая ея сосѣдка. Лишь только она хотѣла сѣсть на скамью, какъ сосѣдка сказала ей: „Что тебѣ здѣсь нужно? Иди своей дорогой: иначе, тебѣ будетъ плохо; сегодня здѣсь Христова ночь для умершихъ“. Тогда женщина вышла изъ церкви; на башнѣ пробило 1 часъ (стр. 130—131).

6. Въ Верховѣ одинъ крестьянинъ сидѣлъ однажды въ корчмѣ за пивомъ. Возвращаясь ночью домой, онъ встрѣтилъ на дорогѣ блуждающій огонекъ и сказалъ ему: „иди со мной,

я тебѣ заплачу“. Огонекъ пошелъ съ нимъ. Когда крестьянинъ пришелъ домой, то не заплатилъ ничего огоньку, но быстро вошелъ въ свою избу и заперъ за собой дверь. Вскорѣ онъ услышалъ въ помещеніи, гдѣ стоялъ скотъ, страшный шумъ и собрался туда пойти, чтобы посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Едва онъ отворилъ двери своего дома, какъ блуждающій огонекъ прыгнулъ къ нему подъ ноги; крестьянинъ разсердился и хотѣлъ его схватить, но огонекъ не давался. Крестьянинъ побѣжалъ за нимъ и упалъ въ большую яму съ водой, которая была у него на дворѣ. При этомъ блуждающій огонекъ, съ громкимъ смѣхомъ, исчезъ. (стр. 135).

Разсказывая эти или подобныя сказки, сербо-лужицкая деревенская молодежь, особенно женская, коротааетъ долгіе осенніе и зимніе вечера, сидя за какой-либо домашней работой. Впрочемъ, и въ этой области, подобно пѣснѣ и танцамъ, все больше и больше даетъ себя чувствовать нѣмецкій элементъ, на который съ каждымъ годомъ все чаще и сильнѣе наталкивается лужичанинъ какъ въ своей матеріальной, такъ и духовной жизни.

Если „нижняя“ Лузація представляетъ собою особенный интересъ по остаткамъ чисто-славянской народности въ простыхъ сельскихъ формахъ ея жизни, мало тронутой городской цивилизаціей, то „верхняя“ Лузація, и именно Саксонская, привлекательна существованіемъ въ ней центра умственной жизни Лужичанъ въ г. Будишинѣ, который былъ мѣстомъ первыхъ шаговъ новѣйшаго сербо-лужицкаго возрожденія и гдѣ дѣятельность сербо-лужицкой интеллигенціи въ этомъ направленіи продолжается и до сихъ поръ. Городъ занимаетъ весьма красивое мѣстоположеніе на правомъ берегу Шпрее, съ 25,000 народонаселенія; населеніе смѣшанное и говоритъ двумя языками — нѣмецкимъ и сербо-лужицкимъ. Имя Будишина (Bautzen) связано для русскаго человѣка, помимо славянства, тѣмъ историческимъ воспоминаніемъ, что вблизи его 20 и 21 мая 1813 года произошла великая битва между войсками Наполеона I съ одной стороны и союзными арміями

русской и нѣмецкой съ другой. Не имѣя въ виду перечислять достопримѣчательности Будишина, довольно богатаго интересными зданіями и историческими памятниками, я упомяну тутъ только о древнѣйшей, обширнѣйшей и самой красивой изъ церквей города — именно церкви св. Петра (Petri-kirche), которая представляетъ ту рѣдчайшую особенность, что вмѣщаетъ въ себя въ одно и то же время церкви католическую и протестантскую, отдѣленные одна отъ другой высокою рѣшеткой: т. о., тутъ подъ одними сводами мирно собираются, въ разное время, двѣ несогласныя между собою въ религіозныхъ вѣрованіяхъ церковныя общины.

Пользуясь, по дѣйствующимъ саксонскимъ законамъ, значительной свободой и средствами для удовлетворенія своихъ національныхъ потребностей, Лужицкіе Сербы саксонскаго подданства не имѣютъ большихъ побужденій къ основанію на народныя средства разныхъ просвѣтительныхъ учреждений, какъ это мы видимъ у другихъ славянскихъ народностей, менѣе благопріятно поставленныхъ въ отношеніе къ правительству, напр. у чеховъ. Впрочемъ, и въ Будишинѣ есть одно такое учрежденіе, о которомъ здѣсь должно упомянуть: это „Сербская Матица“, отпраздновавшая уже въ текущемъ 1897 году 50-лѣтіе своего существованія. Другое подобное учрежденіе, „Народный домъ“, находится теперь еще въ процессѣ созиданія.

Чтобы ясно представить себѣ, какое значеніе имѣло основаніе „Сербской Матицы“ въ Будишинѣ, необходимо вспомнить о тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ протекала тогда жизнь лужицкихъ сербовъ. Начало нынѣшняго столѣтія было для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ печальное время. Усильши въ борьбѣ съ Наполеономъ I въ 1813—1814 гг. укрѣпили нѣмецкое національное сознаніе въ т. наз. „пангерманской“ идеѣ, въ программѣ которой лежало не только объединеніе германскихъ силъ, но и усиленная германизация славянскихъ народностей, входившихъ политически въ составъ еще пока раздробленныхъ нѣмецкихъ государствъ. Живѣе всего это стремленіе къ гер-

манизации находило себѣ откликъ въ Пруссіи. До Вѣнскаго конгресса Пруссіи принадлежала лишь небольшая часть Нижней Лужицы, но по его рѣшенію въ 1815 году къ ней перешла вся Нижняя Лужица и сѣверная часть Верхней; южная часть Верхней Лужицы осталась по прежнему за Саксоніей. Т. о., значительная часть сербо-лужицкаго народа попала въ условія, въ высшей степени неблагопріятныя для развитія въ національномъ направленіи; подѣ влияніемъ этихъ условій родное уступало легко и безъ всякой борьбы мѣсто чужому; свои обычаи предавались забвенію, замѣняясь нѣмецкими; тоже было отчасти и съ языкомъ, предѣлы употребленія котораго постепенно суживались и отдалялись отъ духовныхъ интересовъ образованнаго сербо-лужицкаго общества. Но, къ счастью, и въ этомъ быстро онѣмечивавшемся народѣ нашлись болѣе дальновидные люди, которымъ были близки интересы своей народности, и вотъ они - то и выступили съ проектомъ учрежденія такого Общества, которое могло бы поддерживать все еще теплившуюся искру народнаго сознанія въ среди Лужичанъ и послужить опорой для его дальнѣйшаго развитія. Общество это и была „Сербская Матица“. Нельзя сказать, чтобы „Сербская Матица“ не имѣла себѣ предшественниковъ. Еще въ 1716 году основано было шестью сербскими студентами при Лейпцигскомъ университетѣ, съ разрѣшенія теологическаго факультета, „Сербское проповѣдническое Общество“, поставившее себѣ цѣлю изученіе роднаго языка ради церковнаго проповѣдничества на немъ. Въ Виттенбергскомъ университетѣ, 33 года спустя, сербскіе студенты основали подобное же Общество. Въ началѣ XIX вѣка возникаетъ въ Будишинской гимназій Общество сербскихъ гимназистовъ съ тѣмъ же народнымъ направленіемъ и характеромъ; въ немъ, между прочимъ, принималъ участіе упомянутый выше извѣстный сербо-лужицкій писатель Андрей Зейлеръ, а потомъ, въ 30-хъ годахъ, руководилъ этимъ Обществомъ Я. Э. Смолеръ, будучи ученикомъ четвертаго класса. По окончаніи курса въ Будишинской гимназій, Смолеръ поступилъ въ Бреславскій

университетъ, и тамъ его стараніями возникло при тамошнемъ „Академическомъ Обществѣ“ сербское отдѣленіе, члены котораго занимались роднымъ языкомъ, собирали произведенія народнаго сербо-лужицкаго творчества и даже издавали рукописный журналъ. Большую поддержку въ этихъ своихъ занятіяхъ студенты-сербы находили въ профессорахъ - чехахъ Бреславскаго университета, Челяковскомъ и Пуркине. Къ числу подобныхъ предшественниковъ „Сербской Матицы“ должно быть отнесено и литературное общество „Сербовка“, основанное въ 1846 году при Пражской лужицко-сербской Духовной Семинаріи, возникшей еще въ началѣ XVIII-го вѣка и продолжающей свою полезную дѣятельность до настоящаго времени.

Мысль основанія „Сербской Матицы“ была впервые подана знаменитымъ Я. Колларомъ въ одномъ изъ писемъ его къ Августу Мосакъ-Класопольскому, ранѣе уже упомянутому дѣятелю сербо-лужицкаго возрожденія, въ 1839 году, при чемъ Колларъ указывалъ на примѣръ подобныхъ же „Матицъ“ въ Пештѣ (съ 1826 года) и въ Прагѣ (съ 1829 года). Мысль эта быстро зрѣла въ головахъ сербо-лужицкой молодежи, и вотъ 18 апрѣля 1845 года Я. Э. Смолеръ представилъ ее въ видѣ готоваго проекта обширному собранію сербо-лужицкой интеллигенціи. Проектъ былъ принятъ съ восторгомъ, и немедленно приступлено къ его выполненію. Членами выбраннаго при этомъ временнаго комитета оказались: пасторъ Андрей Зейлеръ какъ предсѣдатель, адвокатъ А. Мосакъ-Класопольскій какъ секретарь, кандидатъ богословія Смолеръ, Ванакъ и Имишъ, учитель Вела, студенты Пфуль и Цижъ какъ члены; вскорѣ къ нимъ присоединился докторъ Адольфъ Клинь. Зимой 1846—1847 года выработанный Уставъ „Матицы Сербской“ былъ представленъ на утвержденіе Саксонскаго правительства, которое и получилъ 26 февраля 1847 года. Основанное Общество имѣло цѣлю изданіе хорошихъ популярныхъ и научныхъ книгъ на сербо-лужицкомъ языкѣ, а также изданіе журнала, посвященнаго литературѣ, языкознанію

и наукъ. Первое собраніе членовъ „Сербской Матицы“ созвано было 7 апрѣля 1847 года въ Будишинѣ, и въ тотъ же годъ приступлено было къ издательской дѣятельности, продолжающейся съ неослабной энергіей вотъ уже полвѣка и давшей въ результатъ съ одной стороны цѣлый рядъ отдѣльныхъ полезныхъ и важныхъ изданій какъ популярнаго, такъ и научнаго характера, а съ другой — 95 вып. журнала „Сасорис“, являющагося живымъ органомъ - выразителемъ всей дѣятельности Общества и сборникомъ многихъ весьма интересныхъ работъ по исторіи, этнографіи, языку и литературѣ сербо-лужицкаго народа. Предсѣдателями „Матицы“ за эти 50 лѣтъ были: А. Клинь (1847—1855), Э. Рыхтарь (1856—1872), Я. Э. Смолеръ (1872—1882), М. Горникъ (1882—1894), А. Калихъ (1894—1895), Ю. Луцанскій (съ 1895 года). Общество имѣетъ слѣдующіе отдѣлы: языковѣднй, беллетристическій, этнографическій, музыкальный, педагогическій, естественно-научный, историко-археологическій и отдѣлъ „нижне-лужицкій“, открытый въ 1880 году и посвященный изученію Нижней Лужицы въ разныхъ отношеніяхъ. За истекшія 50 лѣтъ „Матица Сербская“ издала книгъ: 1) для народа: 98 выпусковъ номерованныхъ, въ количествѣ 243,896 экземпляровъ, 20 вып. неномерованныхъ, въ количествѣ 47,332 экземпляровъ, а всего для народа 295,228 экз.; 2) для интеллигентныхъ читателей: 8 отдѣльныхъ книгъ въ количествѣ 9250 экземпляровъ, 95 выпусковъ „Сасориса“ въ количествѣ 31,900 экземпляровъ, а всего 41,150 экз.

Общее число экземпляровъ книгъ, изданныхъ „Матицей“, 327,128. Сюда же должно еще прибавить около 20,000 разныхъ листовъ популярнаго содержанія для народа.

Важнымъ неудобствомъ для „Матицы“ было неимѣніе при ея основаніи своего постояннаго помѣщенія. Такъ продолжалось дѣло до 1866 года, когда Смолеръ внесъ въ администрацію „Матицы“ предложеніе начать сборъ пожертвованій на постройку дома, въ которомъ бы не только могли происходить засѣданія „Матицы“, но и помѣщаться ея типографія, бібліотека и разныя

естественно-историческія и археологическія коллекціи. Предложеніе это было радостно принято, и немедленно открыта подписка; но пожертвованія притекали весьма слабо, такъ какъ сербо-лужицкая интеллигенція очень невелика и небогата, а крестьянскій людъ не достаточно еще сознавалъ важность затѣваемаго дѣла. Т. о., въ первые четыре года собрано всего на домъ „Матицы“ 116 талеровъ. Сдѣлавшись въ 1872 году предсѣдателемъ „Матицы“, Смолеръ, видя, что ждать сбора денегъ на постройку дома „Матицы“ было бы слишкомъ долго, рѣшился прибѣгнуть къ покупкѣ на свой собственный страхъ дома для „Матицы“ въ долгъ, въ надеждѣ тѣмъ или другимъ способомъ выплатить потомъ требуемую сумму и переуступить этотъ домъ „Матицѣ“. Когда купчая крѣпость была подписана, Смолеръ отправился въ Россію, чтобы найти здѣсь поддержку своему дѣлу, при чемъ ему удалось собрать около 4000 талеровъ отъ бр. Самариныхъ, Чижова и бр. Хомяковыхъ въ Москвѣ, при содѣйствіи М. П. Погодина, Н. А. Попова и И. С. Аксакова; въ Петербургѣ онъ получилъ отъ А. Д. Башмакова 6000 талеровъ въ видѣ безпроцентной, долгосрочной ссуды. Этой суммы было все-таки достаточно на уплату первой части долга за купленный домъ, и 15 авг. 1873 года происходило въ немъ въ первый разъ засѣданіе „Матицы“. Въ 1881 году Смолеръ второй разъ поѣхалъ въ Россію для сбора пожертвованій, но на этотъ разъ его путешествіе было менѣе удачно, а между тѣмъ нѣмецкая печать увидѣла въ этихъ поѣздкахъ и хлопотахъ Смолера страшный призракъ „панславизма“ и не останавливаясь передъ самыми оскорбительными инсинуаціями относительно Смолера, называя его „измѣнникомъ“ отечества, а все его дѣло созданнымъ „русскими рублями“. Эти обвиненія, въ связи съ неудачей послѣдней поѣздки въ Россію, сильно подорвали физическія силы Смолера; онъ сталъ часто болѣть и 13-го іюня 1884 года скончался, среди самыхъ горячихъ выраженій глубокаго уваженія всего сербо-лужицкаго народа къ его безкорыстной и плодотворной дѣятельности на общую народную пользу. Пред-

сѣдательство въ „Матицѣ“ принялъ на себя послѣ смерти Смолера не менѣе почтенный сербо-лужицкій дѣятель Михаилъ Горникъ, также теперь покойный (ум. 22 февр. 1894 года). Долгъ, лежащій на домѣ „Матицы“, еще и теперь не вполне выплаченъ (остается около $\frac{1}{7}$ его части), и уплата производится постепенно, путемъ небольшихъ пожертвованій, собираемыхъ почти исключительно среди самого сербо-лужицкаго народа. Но такъ какъ помещеніе въ этомъ домѣ для „Матицы“, ея бібліотеки и значительно разросшихся коллекцій не отвѣчаетъ уже новымъ требованіямъ, то „Матица“ въ день 50-лѣтняго юбилея своего въ апрѣлѣ текущаго (1897) года рѣшила положить основаніе новому „Народному Дому“, который бы могъ служить не только цѣлямъ дѣятельности „Матицы“, но и быть „убѣжищемъ и хранилищемъ всего того, что у другихъ многочисленныхъ народовъ составляетъ ихъ культурный организм“. Однако и въ этомъ дѣлѣ, начатомъ безъ готовыхъ денежныхъ средствъ, „Матица“ полагаетъ свои надежды исключительно на добровольныя пожертвованія, воззванія о которыхъ распространяются теперь не только среди самихъ Лужичанъ, но и усердно рассылаются во всѣ концы славянскаго міра. Однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ въ осуществленіи этого предпріятія является нынѣшній редакторъ „Часописа“ Матицы, прекрасный знатокъ исторіи, этнографіи, языка и литературы своего народа д-ръ Э. Мука. И нельзя не пожелать полного успѣха такому важному дѣлу „Матицы Сербской“, долженствующему послужить новымъ оплотомъ маленькаго славянскаго народа противъ суровыхъ волнъ германизациі¹⁾.

1) Свѣдѣнія о Матицѣ и о Народномъ Домѣ почерпнуты мною изъ юбилейной брошюры „Zapiski Maćicy Serbskeje w Budyšinje (1847 — 1897). Zestajał a wydał dr. Ernst Muka. Budyšin 1897“ и изъ статьи В. А. Францева „Матица Сербская въ Будишинѣ“ въ Ж. М. Нар. Пр. 1897, № 6.

26
7
105

Est.
A-11431
15163

Цѣна 25 коп.